

УДК 008:791.3/791.5 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Эстетика и кино. Общество и кино. Фильмы обращенные к определенным социальным группам. Образование и кино)

ПОТРЕБНОСТЬ МОЛИТВЫ В СОВРЕМЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ КАК ТРАДИЦИЯ

© 2017 С.С.Орищенко

Орищенко Светлана Серафимовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры сценической речи и ораторского искусства. E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru

Самарский государственный институт культуры. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 25.10.2017

Частотность употребления православных молитв в современном кинематографе говорит о необходимости исследования этого материала с точки зрения риторических приёмов и традиции, которая заключается в тесной взаимосвязи русской литературы и современного кинематографа. Все молитвы, произносимые героями с киноэкрана, имеют историческую основу, связанную с православной традицией.

Вывод. Мы понимаем, что потребность в молитве назревала в обществе, лишённом общения с Богом, постепенно. Такова природа человека, что обращение к Богу необходимо ему в дни испытаний. Бабушки, хранившие православную веру в России, уже отошли в небытие, мы опоздали услышать их молитвенное слово, поверить им. Иисак их источник заступничества за нас перед Богом. Пришли иные времена: сегодня кинематографические молитвы звучат вслед за молитвами литературными. Достаточно вспомнить две молитвы XX века, которые мы исследовали в других работах: первая принадлежит А. Солженицыну, вторая В. Ерофееву в рассказе «Галоши». Наши современники не одиноки в обращении к традиции молитвенного слова. Плеяда предшественников XVIII–XIX веков тому яркое подтверждение.

Ключевые слова: православная традиция, литература, киноискусство, риторика, молитва.

Современный кинематограф претерпевает период, когда с экрана можно говорить всё, включая религиозные цитаты, в частности – произносить христианские молитвы. Вряд ли такое было возможно прежде, во времена социалистического отечества. Мы не говорим о единичных случаях, когда снимался фильм «Отец Сергей» по повести Л.Н. Толстого или любая другая экранизация по литературе XIX начала XX века, когда институт церкви был нормой в обществе. Особняком здесь стоят произведения Андрея Тарковского, об этом подробно мы говорили в сборнике статей «От фрагмента к целому. Парадигма культурных изменений» [1]. Так кинокартину «Андрей Рублёв» (1971г.) Арсения Тарковского принято считать в искусстве фильмом-молитвой, хотя молитвы, как жанр риторического искусства, звучат не только в этом фильме режиссёра. Уместно здесь вспомнить и Тенгиза Абуладзе с его «Покаянием» (1984г.) и поиском дороги к храму, и Сергея Параджанова с «Цветом граната» (1968 г.) и осмыслением христианской символики в нём. Необходимо отметить, что в авторской версии 1969 года молитва в фильме «Цвет граната» звучит наиболее ярко и обоснованно. Благодаря работам А. Тарковского, Т. Абуладзе, С. Параджанова в конце XX века,

молитва в кино начала XXI века зазвучала отчётливо и закономерно. Сегодняшняя потребность в молитве, как стержне, внутренней опоре, без которой не возможен сюжет киноповествования, особенно заметна. Молится в фильме «Монах и бес» (2016г.) главный герой, Иван, Семёнов сын:

«Господи, не знаю, чего просить у Тебя. Ты один ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня больше, нежели я умею любить даже самого себя. Дай рабу Твоему, что я сам просить не смог. Не смею просить ни креста, ни утешения. Только предстаю пред Тобой. Сердце моё открыто. Ты зришь нужды, которых я не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей. Низложи и подними меня перед святой Твоей волей. Безмолвствую перед непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Научи меня молиться. Сам во мне молись. Аминь».

На первый взгляд, может показаться, что текст создан современными авторами. Из христианских источников узнаём, что эта молитва – сокращённый вариант ежедневной молитвы Святителя Московского Филарета (XVIII–XIX вв.) Очевидно, поэтому она наделена такой чудодейственной силой. После такой тирады бес, сопровождавший монаха, совсем ослабел, даже содомская грязь Мёртвого моря, состоящая из остан-

ков его прашуров, не смогла его поставить на ноги. При этом молитва смогла посеять в душе беса, по имени Легион, смуту. Вот он уже спрашивает у Ивана, сможет ли Бог принять покаяние от нечистого? Ещё недавно Легион ходить не мог по святой земле, потому что она жгла его ноги, потому что он чувствовал присутствие Иисуса Христа, а теперь заговорил о неммыслимом. На что слышит ответ праведника о смирении, покаянии и трёхлетней молитве, которую бес должен будет произносить и днём, и ночью, стоя лицом к востоку и не сходя с места: *«Боже, помилуй мя, злобу древнюю! Боже, помилуй мя, прелесть помраченную! Боже, помилуй мя, мерзость запустения!»* [3]. Рефрен, в котором поминается Бог, усиливает риторическое воздействие фразы. Этому способствуют тропы и фигуры: и троекратное риторическое обращение к Всевышнему, и уничижительно-сокращённое местоимение «*мя*», и синонимический ряд, характеризующий нечистую силу в нисходящей градации, и эпитеты, переходящие в заключительную метафору. Трижды фраза заканчивается фигурой риторического восклицания, что усиливает эмоциональное воздействие слова, обращённого к Богу. Такой призыв на помощь и искреннее желание очиститься не может быть не услышан Всевышним. Последние события фильма столь потрясают, что зритель верит в перевоплощение Легиона, ведь что не подвластно человеку, то подвластно Богу. Молитва беса в стенах монастыря поможет ему стать Лазарем, возродиться к новой жизни и начать её с нового закона: *«Любите и любимы будете»*.

В фильме Павла Лунгина «Остров» (2006 г.) монах-кочегар Анатолий молится о своей пропавшей душе, о душах паствы. Его молитвы просты и незатейливы, они похожи на молитвы трёх старцев из рассказа Л.Н. Толстого, умеющих ходить по водам: *«Трое Вас и трое нас, Господи, прости нас!»* [5].

Анатолий поёт:

Господи, помилуй! Господи, прости!

Помоги мне, Боже, на моём пути!

Я так слаб душою, телом так же слаб,

И страстей греховных я преступный раб...[4].

В этих строках заключена мудрость человека, стоящего у смертного одра, посвятившего жизнь покаянию. Тайна этих строк заключается в том, что они принадлежат старцу Николаю Гурьянову, особенно почитаемому Русской православной церковью (XX–XXI вв.) Так художественность кинообраза черпает силу в молитвенном слове, которое принадлежит настоящим подвижникам

церкви. Жизнь земная пройдена, задача монаха Анатолия – достойно встретить смерть, не впад при этом в прелесть, не возомнить себя святым, не растерять любовь в сердце ко всем, кто находится рядом и недостижимо далеко. Молитвенное слово отца Анатолия обладает чудодейственной силой, способной поставить на ноги, вернуть разум, примирить с утратами и потерями, научить искреннему прощению. Смирение, молитва, пост помогают монаху обрести покой, уйти в мир иной с чистой душой. Убедительность образа монаха Анатолия стала возможна, благодаря молитвам, исходящим от чистого сердца.

В последней киноленте Алексея Балабанова «Я тоже хочу» (2012 г.) мы знакомимся с группой людей, объединённых идеей, через заброшенную колокольню попасть на планету, на которой есть вода, жизнь и счастье. Музыкант, один из группы, который, кстати, будет взят планетой счастья, перед путешествием заходит «в храм на Васильевском острове, на углу 6-й линии и Большого проспекта» в Санкт-Петербурге. Мы слышим его молитву:

«Боже, дай мне разум и душевный покой принять то, что я не в силах изменить, и возможность изменить то, что могу; и мудрости отличить одно от другого. Да будет воля Твоя, а не моя. Аминь» [2].

Слова эти приписывают множеству авторитетов в культуре: кто – Марку Аврелию (161–180 гг.), кто – Омару Хайяму (1048–1131 гг.), кто – немецкому богослову Карлу Фридриху Этингеру (1702–1782 гг.), кто – американскому пастору немецкого происхождения Рейнгольду Нибуру (1892–1971 гг.), кто – Оптинским старцам (XVIII–XIX вв.).

Как видим, в современном мире, персонажи кинофильмов понимают, что молитва поддержит их в сложных жизненных ситуациях. Надежды на собственные силы иссякают. На первый взгляд, может показаться, что в кинематографе XXI века мы постоянно слышим молитвы не канонические, записанные в молитвословах, а авторские, современные, идущие от сердца молящегося. Этот факт несколько не умаляет их значения. А знание, что в основе «кинематографических молитв» лежат тексты, принадлежащие православным молитвенникам, праведникам, доказывает, почему такой след в душах зрителей оставляют эти риторические образцы. Не случайно в практике православного человека одной из главных молитв считают Иисусову молитву: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»* [8, с. 355]. По мнению отцов церкви,

искреннее обращение к Богу, более ценно, простые молитвы гораздо быстрее доходят до адресата. С одной стороны, вхождение в храм современного героя и современного зрителя произошло совсем недавно. Самостоятельно человеку сложно переступить порог храма, а правила воцерковлённой жизни не учатся с лёгкостью за короткий промежуток времени. С другой стороны, потребность в молитве и вхождение в храм стало необходимостью для многих современников, именно поэтому молитвы зазвучали сегодня с киноэкранов так часто и настойчиво.

Эпиграфом к рассказу Толстого стоят слова: «А молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него (Матф. VI, 7, 8) [5].

Вывод. Мы понимаем, что потребность в молитве назревала в обществе, лишённом общения с Богом, постепенно. Такова природа человека, что обращение к Богу необходимо ему в дни испытаний. Бабушки, хранившие православную веру в России, уже отошли в небытие, мы опоздали услышать их молитвенное слово, поверить им. Иссая их источник заступничества за нас перед Богом. Пришли иные времена: сегодня кинематографические молитвы звучат вслед за молитвами литературными. Достаточно вспомнить две молитвы XX века, которые мы исследовали в других работах: первая принадлежит А. Солженицыну [6, с. 95], вторая В. Ерофееву в рассказе «Галоши» [7, с. 14]. Наши современники не одиноки в обращении к традиции молитвенного слова. Плеяда предшественников XVIII–XIX веков тому яркое подтверждение.

1. Орищенко, С.С. Многомерность и вариативность православной дороги как системы коммуникации в отечественном кинематографе // От фрагмента к целому. Парадигма культурных изменений: сб. трудов / под ред. В.И.Ионесова. Самара, 2017. Изд-во ООО "Поволжская научная корпорация", С. 208–234.
2. Орищенко, С.С. Традиция или куда ведёт дорога смерти (кинокартина Алексея Балабанова «Я тоже хочу») // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Т. 18. № 2. С. 106–110.
3. Орищенко, С.С. «Монах и бес» Николая Достая как разговор о любви (рукопись).
4. Орищенко, С.С. Три взгляда на «Остров» Павла Лунгина // Известия Самарского научного центра РАН. (Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки). 2014. Т. 16. № 2-2. С. 434–437.
5. Толстой, Лев. Три старца: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/narodnye-rasskazy/tri-starca.htm>
6. Нива, Жорж. Солженицын / пер. с фр. Симона Маркиша в сотрудничестве с автором; предисл. И. Виноградова. М., Художественная лит-ра, 1992. 191 с.
7. Орищенко, С.С., Нугайбекова, М.А. Рассказ В. Ерофеева «Галоши»: опыт филологического анализа. Самара, Изд-во ГОУ СИПКРО, 2005. С. 47.
8. Православный молитвослов / по благосл. Преосвященного Симона, епископа Мурманского и Мончегорского. М., Отчий дом, 2009. 463 с.

NEED OF A PRAYER FOR MODERN CINEMA AS A TRADITION

© 2017 S.S. Orischenko

*Svetlana S. Orischenko, Candidate of Education, Associate Professor of the Department of Stage Speech and Oratory.
E-mail: orichtchenko63_6@mail.ru*

Samara State Institute of Culture. Samara, Russia

The frequent usage of orthodox prayers frequently appearing in modern cinema shows its great research relevance. From the point of view of rhetorical devices and the tradition, which consists in close interrelation of Russian literature and modern cinema. All prayers delivered by characters on the screen have a historical basis connected with orthodox tradition. *Conclusion.* We have realized that the society deprived of communication with God has been gradually demonstrating the need of a prayer. In days of troubles it is necessary for human nature to address God. Grandmothers, who preserved orthodox beliefs in Russia, are already gone. We were late to hear their prayful word, to believe them. We no longer have their source of protection for us before God. Different times have come: today cinema prayers sound after literary prayers. It is enough to remember two prayers of the twentieth century which we examined in other works: the first one belongs to A. Solzhenitsyn, the second one was written by V. Erofeyeva in the story "Galoshy". Our contemporaries involving a group of predecessors of the 18-19th centuries are not alone feeling the undeniable appeal to the prayers tradition.

Keywords: orthodox tradition, literature, motion picture art, rhetorics, prayer.

1. Orishchenko, S.S. Mnogomernost' i variativnost' pravoslavnoi dorogi kak sistemy kommunikatsii v oteche-stvennom kinematografe (Multidimensionality and Variability of the Orthodox Road as the System of Communication in Domestic Cinema Culture). *Ot fragmenta k tselomu. Paradigma kul'turnykh izmenenii: sb. trudov / pod red. V.I.Ionesova*. Samara, 2017. Izd-vo OOO "Povolzhskaya nauchnaya korporatsiya", S. 208–234.
2. Orishchenko, S.S. Traditsiya ili kuda vedet doroga smerti (kinokartina Alekseya Balabanova «Ya tozhe khochu») (Tradition or Where the Death Road Leads (Alexey Balabanov's Movie "I Want Too")). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 2016. T. 18. № 2. S. 106–110.
3. Orishchenko, S.S. «Monakh i bes» Nikolaya Dostalya kak razgovor o lyubvi ("Monk and Demon" by Nikolay Dostal as a Talk about Love (manuscript)), (rukopis').
4. Orishchenko, S.S. Tri vzglyada na «Ostrov» Pavla Lungina (Three views on "The Island" by Pavel Lungin). *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki)*. 2014. T. 16. № 2-2. S. 434–437.
5. Tolstoi, Lev. Tri startsa (Three Aged Men): <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/narodnye-rasskazy/tri-starca.htm>
6. Niva, Zhorzh. Solzhenitsyn / per. s fr. Simona Markisha v sotrudnichestve s avtorom; predisl. I.Vinogradova. M., Khudozhestvennaya lit-ra, 1992. 191 s.
7. Orishchenko, S.S., Nugaibekova, M.A. Rasskaz V. Erofeeva «Galoshi»: opyt filologicheskogo analiza (A Story by V. Erofeev "Galoshi": Experience of the Philological Analysis). Samara, Izd-vo GOU SIPKRO, 2005. S. 47.
8. Pravoslavnyi molitvoslov / po blagosl. Preosvyashchennogo Simona, episkopa Murmanskogo i Monchegorskogo (The Orthodox Prayer Book / On Blessing of Preosvyashchenny Simon, Bishop Murmansk and Monchegorsk). M., Otchii dom, 2009. 463 s.